

Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи въ нашей средней общеобразовательной школѣ.

Одинъ изъ проектовъ усиленія религіозно-воспитательнаго элемента въ нашей общеобразовательной школѣ. Намѣчаемыя пути къ этому въ дѣятельности—а) преподавателей свѣтскихъ наукъ и б) законоучителя.

Преувеличенный характеръ обычныхъ жалобъ на *отсутствіе* воспитательнаго элемента въ нашихъ школахъ. Одна изъ причинъ недостаточной *силы* воспитательныхъ воздѣйствій школы. Можно ли устранить ее путемъ объединенія всѣхъ дѣятелей школы на почвѣ *религіозной*? Какъ понимать задачу дѣятельности законоучителя въ школѣ? Пути выполненія ея: а) преподаваніе Закона Божія, б) священнослуженіе и в) частное пастырское руководство въ области религіозно-нравственной жизни учениковъ. Вопросъ о личныхъ качествахъ законоучителя. Недочеты въ обычныхъ условіяхъ для дѣятельности законоучителя и желательныя улучшенія въ нихъ.

Предъ нами интересная брошюра уважаемаго протоіерея І. И. Соловьева: „Завѣтныя думы служителя церкви въ виду предстоящей реформы средней школы. М. 1902“. Отъ начала и до конца она проникнута одною идеею—горячимъ желаніемъ почтеннаго автора, чтобы наша средняя школа ставила задачею для себя не обученіе только, а прежде всего воспитаніе и притомъ—воспитаніе именно „въ духѣ вѣры Христовой, исповѣдуемой православною Церковью“ (стр. 10). Эта идея, завѣтная для автора, развивается имъ такимъ образомъ.

„Основнымъ недостаткомъ современнаго образованія должно считать то, что подъ образованіемъ разумѣютъ развитіе однѣхъ лишь умственныхъ силъ человѣка и обогащеніе ихъ всевозможными знаніями, безъ всякой мысли о соответствующемъ этому развитіи сердца и воли человѣка“ (стр. 9). Къ устраненію этого недостатка—къ насажденію въ школахъ воспитательнаго элемента въ духѣ вѣры Христовой и должна направляться реформа нашей средней школы. Какими путями и средствами можно достичь этой цѣли?

Нельзя возлагать этого дѣла на однихъ законоучителей: и свѣтскія науки, „не только гуманитарныя, а и реальныя, не только въ ихъ наивысшихъ проявленіяхъ, а и въ томъ ихъ элементарномъ объемѣ, въ какомъ преподаются онѣ въ нашихъ среднихъ школахъ, дають не мало религіозно-нравственнаго воспитательнаго матерьяла“ (стр. 14). Отсюда—долгъ преподавателей этихъ наукъ „не замалчивать его на своихъ урокахъ, а, наоборотъ“,—пользоваться всякимъ удобнымъ поводомъ къ тому, чтобы выдвинуть этотъ элементъ на первый планъ. Такъ, напр., на урокахъ естествознанія, при изученіи жизни видимой природы, вмѣсто того, чтобы раскрывать и уяснять законъ борьбы за существованіе, благотворителю было-бы указывать въ той-же природѣ слѣды премудрости и благости Божіей, какъ дѣлалъ это въ своихъ чудныхъ псалмахъ Давидъ, или извлекать нравоучительные уроки изъ жизни животнаго и растительнаго царства, вмѣстѣ съ Соломономъ, или въ той же природѣ, чающей освободиться отъ рабства тлѣнію въ свободу славы чадъ Божіихъ, почерпать великіе уроки христіанской философіи, вмѣстѣ съ ап. Павломъ. Такія творенія, какъ „Шестодневъ“ св. Василія Великаго или „Сокровище духовное отъ міра собираемое“ св. Тихона Задонскаго, могутъ служить прекрасною иллюстраціею къ этой мысли.

Въ гуманитарныхъ наукахъ такого матерьяла еще больше. Напр., преподаватель словесности могъ бы найти пре-

красные образцы литературныхъ произведеній въ Библі въ ея славянскомъ и русскомъ переводахъ. Въ псалмахъ въ книгѣ Іова, у пророковъ Исаи, Іереміи и Іезекіиля встрѣчаются образы и обороты рѣчи, полные высоко-художественной красоты. То же нужно сказать о твореніяхъ святоотеческихъ и о выдающихся произведеніяхъ нашей русской духовной литературы. Преподаватель гражданской исторіи своими уроками также можетъ служить общему религіозно-воспитательному дѣлу школы, если только онъ будетъ держатся „теистической теоріи божественнаго провиденціализма“, не ученія Бокля, П. Толстого или Милюкова. Наконецъ, даже мертвый классицизмъ можетъ оказать услугу въ этомъ дѣлѣ именно—если онъ введетъ учениковъ въ самый духъ жизни античнаго міра, при чемъ для нихъ станутъ ясны, съ одной стороны, „отблески божественнаго свѣта“ въ разумѣ и свѣсти лучшихъ язычниковъ, съ другой—неспособность естественнаго челоуѣка, даже на выдающихся ступеняхъ умственнаго развитія его, подняться до истинной христіанской высоты духовно-нравственной жизни. Искренность, убѣжденное преподавателей и благоразумное, безъ крайностей, отношеніе къ дѣлу являются при этомъ необходимымъ условіемъ истинной благотворности такого метода, а важнымъ подспорьемъ для него должна служить хорошо составленная, въ томъ же духѣ и направленіи, школьная библіотека.

Переходи послѣ этого къ дѣятельности законоучителя какъ прежде и больше всѣхъ призваннаго прямымъ долгомъ своимъ служить дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія учениковъ школы, авторъ и здѣсь высказываетъ нѣкоторыя desideria свои. Они касаются, во-первыхъ, появившагося послѣднее время мнѣнія относительно Закона Божія, какъ предмета особеннаго въ школьной программѣ, имѣющаго сею главною задачею воспитаніе религіознаго чувства, а сообщеніе извѣстныхъ знаній, поэтому требующаго и особой постановки преподаванія—безъ заучиванія, безъ уч-

никовъ, безъ балловъ, экзаменовъ и пр.: все дѣло законоучителя должно быть сведено къ назидательнымъ отеческимъ бесѣдамъ его съ учениками, даже безъ строгой системы и программы. Авторъ выступаетъ противъ такого взгляда на Законъ Божій, отстаивая для него обычный установившійся порядокъ изученія. Затѣмъ, касаясь принятаго въ средней школѣ распредѣленія отдѣльныхъ предметовъ религіознаго обученія по классамъ, онъ находитъ его несистематичнымъ, разбитымъ и предлагаетъ внести въ него нѣкоторыя измѣненія. Такъ, въ III классѣ вмѣсто богослуженія было бы болѣе цѣлесообразнымъ, послѣдовательнымъ изучать церковную исторію, прямо примыкающую въ такомъ случаѣ къ священной исторіи, изучающейся въ двухъ первыхъ классахъ; богослуженіе же удобнѣе было бы проходить въ слѣдующемъ IV классѣ, такъ какъ оно „въ своемъ развитіи и подробностяхъ принадлежитъ къ церковно-исторической области, а въ законченномъ своемъ видѣ служить наилучшимъ средствомъ для выраженія нашего личнаго единенія съ церковію и пребыванія въ ней“ (стр. 24). V и VI классы могутъ быть посвящены систематическому изученію Библии, VII—патристикѣ и VIII—систематическому повторенію всего пройденнаго въ формѣ катихизиса или богословія.

Рекомендуя такое распредѣленіе предметовъ религіознаго обученія, авторъ выдвигаетъ значеніе знакомства учениковъ съ первоисточниками. Такъ, къ Библии они должны обращаться уже въ I и II классахъ, при изученія священной исторіи и особенно Новаго Завѣта; но кромѣ этого, отдѣльные два года должны быть посвящены спеціальному изученію Библии, систематическому, съ достаточными исagogическими свѣдѣніями. Важное мѣсто должно быть отведено, далѣе, знакомству съ древнеотеческими твореніями. Какъ бы подготовкой для этого должно служить уже въ третьемъ классѣ чтеніе каждымъ ученикомъ по Четвѣрьминіямъ Димитрія Ростовскаго, по славянскому тексту, жи-

тія своего Ангела или какого-либо другого; въ VІІ же классѣ при двухъ недѣльныхъ урокахъ должно быть достигнуто довольно полное знакомство съ святоотеческою литературою. При этомъ авторъ желалъ бы видѣть въ школахъ добрый обычай „приватнаго прочтенія каждымъ воспитанникомъ въ теченіе этого года твореній одного какого-нибудь св. отца въ болѣе или менѣе полномъ видѣ“ (стр. 29). Такое же знакомство съ источниками должно быть признано необходимымъ и при изученіи богослуженія, именно съ принадлежностями его и съ богослужебными книгами, для чего важно активное участіе въ богослуженіи со стороны учениковъ.

Но для истиннаго религіознаго воспитанія и всего этого еще не достаточно, какъ не достаточно одного христіанскаго познанія для такой же отвѣчающей ему христіанской жизни. Слабыя человѣческія силы нуждаются въ укрѣпляющей и возвращающей благодати Божіей, а она живетъ и дѣйствуетъ въ церкви Христовой. Отсюда—только та школа можетъ надѣяться достигъ благихъ результатовъ въ области религіознаго воспитанія своихъ учениковъ, въ которой весь строй учебнаго и воспитательнаго дѣла не только отвѣчаетъ ученію христіанской церкви, но поставленъ подъ непосредственный покровъ и руководство ея (стр. 36). Вспоминая церковный характеръ нашей школы въ древній до-петровскій періодъ и указывая на примѣръ современной Англіи, авторъ рисуетъ печальную картину нынѣшняго положенія этого вопроса въ нашихъ свѣтскихъ школахъ. Здѣсь всѣ отношенія церкви къ школѣ носятъ внѣшній, формально-юридическій характеръ. Между тѣмъ, должно бы быть не такъ: желательное внутреннее единеніе школы съ церковью, при участіи представителя церкви—мѣстнаго епископа слѣдильнымъ образомъ школы во всемъ, что такъ или иначе относится къ религиозно-нравственному воспитанію учениковъ, быть широко открыты двери школы во

посѣщенія желательны не на экзаменахъ и только по Закону Божию, а и на урокахъ и притомъ у всѣхъ преподавателей. Только при такомъ условіи и законоучитель и религіозное воспитаніе вообще могли бы занять надлежащее мѣсто въ нашихъ свѣтскихъ школахъ. Современный-же строй школьнаго религіознаго воспитанія, по мнѣнію автора, носитъ характеръ чисто протестантскій: сама церковь съ ея таинствами, съ ея священными канонами и уставами не имѣетъ прямого руководственнаго значенія для нашей свѣтской школы. Настаивая на необходимости иного порядка дѣла, въ православномъ, а не протестантскомъ духѣ, авторъ указываетъ, въ частности, значеніе для религіознаго воспитанія своего домоваго школьнаго храма и поѣтому учрежденіе такового при каждой школѣ считаетъ не только желательнымъ, но и прямо необходимымъ. Разборомъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ возраженій противъ этихъ положеній брошюра заканчивается.

Вопросъ, затронутый почтеннымъ авторомъ—о *воспитательномъ* вліянніи школы, принадлежитъ къ числу тѣхъ педагогическихъ вопросовъ, которые никогда не теряютъ своего глубокаго жизненнаго значенія и интереса, сколько бы разъ ни обсуждали ихъ. Что школа есть одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ воспитанія, дѣйствующій рядомъ съ семьей, обществомъ и всѣми вліяніями окружающей питомца внѣшкольной жизни, что она не имѣетъ права и не можетъ даже исключить изъ своей программы задачу чисто воспитательную, это одна изъ давно установившихся въ педагогикѣ азбучныхъ истинъ. Еще можно говорить о томъ, насколько и какъ вліяетъ въ воспитательномъ смыслѣ первое и прямое дѣло школы—обученіе тѣмъ или другимъ преподающимся въ ней наукамъ: считать ли его вмѣстѣ съ *Ушинскимъ*, *Пироговымъ* и другими лишь средствомъ воспитанія, или же ставить его задачу особнякомъ, отдѣльно отъ воспитательныхъ цѣлей школы, или же, наконецъ, доказывать

вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ даже такой парадоксъ, что въ наукѣ никакого воспитательнаго элемента не заключается. Какъ бы мы къ этому частнѣйшему вопросу ни отнеслись, общій вопросъ о воспитательномъ вліяніи цѣлаго института школы не можетъ рѣшаться иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Вліяніе это должно исходить несомнѣнно и отъ самихъ наукъ, входящихъ въ программу школьнаго обученія, т. е. отъ самаго содержанія ихъ. Однѣ изъ нихъ больше и ближе, другія меньше и не такъ прямо, но все безъ исключенія участвуютъ въ общемъ дѣлѣ школы—созиданіи личности питомца, въ образованіи такого или иного склада его характера. Помимо содержанія наукъ, воспитательный элементъ заключается далѣе въ самомъ процессѣ изученія ихъ: здѣсь много моментовъ, вліяющихъ не только на умъ, но и на чувство, и на волю. Можно ли не признавать, далѣе, того глубокаго воспитательнаго значенія, которое принадлежитъ личности преподавателя? „Это плодотворный лучъ солнца для молодой души, котораго ничѣмъ замѣнить невозможно“, говоритъ Ушинскій¹⁾. Но кромѣ наукъ и преподаванія ихъ, школа должна оказывать воспитательное воздѣйствіе многими другими сторонами своей жизни, всѣмъ строемъ своимъ. Строго распредѣленный и неизмѣнно поддерживающійся порядокъ занятій, объективный, царящій надъ всѣми безъ исключенія членами школы законъ, система дисциплинарныхъ мѣръ, товарищеская среда, спеціально-школьныя празднества и пр.—все это не можетъ не вліять на питомцевъ школы въ воспитательномъ смыслѣ.

Итакъ, школа есть институтъ воспитательный, въ широкомъ смыслѣ этого слова, а не только интеллектуально-образовательный, и инымъ отъ нея не можетъ по самому существу дѣла. Но въ такомъ случаѣ, откуда же идутъ всѣ эти непрестанныя и всегда столь тягостныя жаобы и обвиненія по адресу нашихъ школъ, что онѣ не воспитываютъ?

¹⁾ Собр. под. соч. К. Д. Ушинскаго. СПб. 1875, стр. 305.

Основательны-ли онѣ и если такъ, то гдѣ причина такого положенія дѣла?

Прежде всего нельзя не замѣтить, что обвиненія эти весьма часто носятъ характеръ преувеличенный, какъ преувеличены и тѣ требованія, какія предъявляетъ общество къ школѣ.

Въ извѣстномъ возрастѣ, который признается наилучшимъ для интенсивнаго интеллектуальнаго развитія молодой души, семья, не располагая для рѣшенія этой задачи собственнымъ достаточными средствами, отдаетъ своихъ дѣтей въ школу. Но это не значить, что послѣдняя съ этого времени должна взять на себя все дѣло дальнѣйшаго воспитанія этихъ дѣтей: школа не устраняетъ отъ этого дѣла ни семьи, ни общества, ни всѣхъ другихъ путей воспитательнаго вліянія на нихъ. Между тѣмъ семья, отдавъ своихъ подростковъ въ школу, весьма часто склонна бываетъ до крайности умалять свои дальнѣйшія воспитательныя обязанности по отношенію къ нимъ. Сдавъ все дѣло на руки школѣ и отложивъ всякое серьезное попеченіе о немъ, родители почиваютъ на лаврахъ, убаюкивая себя мечтами о несомнѣнномъ добромъ воспитаніи и будущемъ счастіи ихъ дѣтей. Такое отношеніе къ столь важному вопросу со стороны тѣхъ, для кого наилучшее рѣшеніе его должно бы составлять священный долгъ и дѣло жизни, къ сожалѣнію, представляетъ явленіе далеко не рѣдкое, а скорѣе типичное. Постепенный ростъ, развитіе и направленіе духовныхъ силъ „дѣтей“ въ томъ періодѣ, когда они должны-бы вызывать особое вниманіе къ себѣ, весьма часто совершаются не только помимо всякаго сознательнаго, намѣреннаго вліянія со стороны „отцовъ“, но даже внѣ серьезнаго наблюденія и участія ихъ. Жизнь тѣхъ и другихъ идетъ различными путями, соприкасаясь лишь по внѣшности. Такъ и вырастаютъ „дѣти Ванюшиныхъ“, представляющія потомъ загадку для своихъ родителей и разбивающія въ прахъ всѣ надежды ихъ.

Но можно ли винить въ этомъ школу? Что могла сдѣлать даже самая лучшая школа (типичная, безъ интерната), если она лишена необходимой опоры въ семьѣ? Она дѣлаетъ свое дѣло: даетъ своимъ ученикамъ, повидимому все, чѣмъ располагаетъ сама и что можетъ дать. Но въ это время рядомъ съ ея вліяніями совершается сложная воспитательная работа того громаднaго механизма, какой представляетъ вся окружающая юношу внѣшкольная жизнь. Она несетъ юной душѣ безконечное множество своихъ яркихъ сильныхъ впечатлѣній; она диктуетъ развивающемуся, зорко присматривающемуся уму свои многочисленные уроки,—и кто же не знаетъ, что эти впечатлѣнія и эти уроки далеко не всегда согласуются съ тѣмъ, чему учитъ школа! И выходитъ такъ, что школа вмѣсто опоры и поддержки встрѣчаетъ въ жизни, внѣ стѣнъ своихъ, даже противодѣйствіе своимъ вліяніемъ. При такихъ условіяхъ обвинять школу въ дурномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній легко: факты на лицо на каждомъ шагу; но насколько эти обвиненія справедливы, т. е. какая доля вины дѣйствительно падаетъ на школу, это рѣшить не такъ легко. Несомнѣнно, что наиболѣе правильнымъ здѣсь было бы при оцѣнкѣ каждаго отдѣльнаго случая, вызывающаго нареканія, принимать въ соображеніе *всю* условія, дѣйствовавшія въ немъ. Но, къ сожалѣнію, такое безпристрастное всестороннее обсужденіе вопроса встрѣчается далеко не часто, и школѣ поэтому приходится отиѣчать и за себя и за другихъ.

Однако, утверждая фактъ *преувеличенія* отвѣтственности нашей школы въ дѣлѣ воспитанія и излишнихъ нареканій на нее, мы далеки отъ мысли считать ее совершенно неповинною и безупречною. Но въ чемъ вина ея? Едва-ли есть такая школа, которая *сознательно* и *намыренно* уклонялась бы отъ выполненія своей воспитательной задачи, которая желала-бы и стремилась *не вліять* на своихъ учениковъ воспитательно. Такая тенденція, возможная въ парадок-

ксяльной теоріи Л. Н. Толстого, на практикѣ даже не осуществима. Напротивъ, каждая школа, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь аномалій, добросовѣстно несетъ свой трудъ и по мѣрѣ своихъ наличныхъ силъ и дарованій выполняетъ задачу не только спеціальную—обученія извѣстнымъ наукамъ, но и общую—воспитанія человѣческой личности. Вопросъ, слѣдовательно, сводится здѣсь лишь къ тому, имѣтъ ли эта воспитательная сторона школьнаго дѣла *столько силы и вліянія*, сколько она можетъ и должна имѣть, или есть въ ней какіе-нибудь недочеты? Вопросъ сложный: чтобы рѣшить его вполнѣ, необходимо было бы рассмотреть каждый изъ воспитательныхъ элементовъ школы особо—предметы преподаванія, личность преподавателя, дѣло инспекціи, дисциплинарныя мѣры и пр. И каждый изъ этихъ частныхъ вопросовъ много разъ уже обсуждался въ нашей педагогической литературѣ. Не ставя для себя широкой задачи детальнаго обозрѣнія всѣхъ воспитательныхъ средствъ нашей школы, напомнимъ лишь одну сторону въ нихъ, одно условіе, которое касается одинаково всѣхъ ихъ и безъ котораго всѣ они, даже при наилучшемъ состояніи каждаго изъ нихъ порознь, теряютъ въ своей воспитательной силѣ. Это—единство, органическая цѣльность ихъ.

Для того, чтобы воспитательныя воздѣйствія школы достигали въ возможной для нихъ степени успѣха, необходимо, чтобы весь строй школы, всѣ педагогическіе элементы ея представляли одно цѣлое, сознательно и неуклонно направляющееся къ одной цѣли. Только при такомъ условіи, при такой цѣльности и единствѣ, все дѣло школы пріобрѣтаетъ желательную силу, а съ нею и возможный успѣхъ. И чѣмъ тѣснѣе органически связаны между собою всѣ элементы и функции школы и чѣмъ связь эта сознательнѣе, въ смыслѣ ясности для всей школы конечной цѣли ея, тѣмъ силы ея крѣпче, тѣмъ дѣятельность ея увѣреннѣе, тѣмъ лучше и результаты ея. Поэтому желательна не механическая только,

хотя бы и правильная, работа каждой отдѣльной части этой сложной машины; недостаточно еще, чтобы всѣ части и винты были на своемъ мѣстѣ и каждый исправно дѣлалъ свое дѣло: въ такомъ живомъ дѣлѣ, каково воспитаніе, необходимо живое же, сознательное и даже сердечное отношеніе къ нему у всѣхъ, кто призванъ такъ или иначе служить ему.

Какъ стоитъ этотъ вопросъ въ нашей общеобразовательной школѣ? Есть ли въ ней эта органическая цѣльность всѣхъ педагогическихъ вліяній на развивающіяся силы учениковъ и притомъ не механическая, а сознательная? Есть ли здѣсь согласное, дружное, сознательное служеніе всѣхъ и каждого одному и тому-же *воспитательному* дѣлу, съ постояннымъ яснымъ представленіемъ конечной цѣли его и съ искреннимъ желаніемъ служить именно ей? Къ сожалѣнію, на эти вопросы нельзя отвѣтить утвердительно. Въ нашей нынѣшней школѣ, можно сказать, нѣтъ цѣльности и единства даже съ внѣшней стороны. До преобразовательныхъ предпріятій послѣднихъ лѣтъ это была школа классическая. Какъ ни плоха была она, но при томъ строѣ, какой данъ былъ ей, школа эта все же могла имѣть цѣльность, свое направленіе, извѣстный характеръ. Нынѣшняя школа въ этомъ отношеніи поставлена въ условія гораздо худшія. Просматривая программы ея, нельзя уловить въ нихъ какого-нибудь опредѣленнаго направленія или характера; здѣсь, въ нестройномъ разнообразіи знаній и умѣній, повидимому, соблюденъ лишь одинъ принципъ: „всего по немногу“. Но съ такимъ принципомъ школѣ весьма трудно сплотиться въ одинъ цѣльный воспитательный организмъ и развить во всѣхъ, чаще всего различныхъ по направленію, педагогахъ своихъ стремленіе служить одной цѣли. Да и ясна ли эта цѣль нашей нынѣшней общеобразовательной школѣ вообще? Повидимому, мы переживаемъ одинъ изъ тѣхъ переходныхъ моментовъ, которые всегда характеризуются незаконченностію формъ,

именно вслѣдствіе неясности идеаловъ. И программы нынѣшней школы, и появляющіеся отъ времени до времени авторитетные комментаріи къ нимъ способны привести именно къ этому заключенію: наши *ria desideria* для школьнаго дѣла какъ будто еще не твердо установлены.

При такомъ положеніи дѣла, не удивительно, если школа наша не можетъ имѣть той *воспитательной силы*, какую она должна бы проявлять при цѣльности и единствѣ всѣхъ сторонъ ея дѣятельности. Но нельзя не признать, что создать эту цѣльность, объединить всѣ педагогическія силы школы въ сознательномъ стремленіи къ одной цѣли, въ дружной работѣ для достиженія ея,—есть дѣло весьма трудное. Объ этомъ такъ легко говорить; на эту тему можно создавать увлекательныя теоріи въ кабинетѣ; но достаточно разъ войти въ дѣйствительную, живую, а не воображаемую школу и внимательно взглянуть на ея жизнь, чтобы понять, какъ трудно провести на практикѣ эту, казалось-бы, столь простую идею цѣльности и единства. Здѣсь мало связать и объединить всѣ предметы, входящіе въ программы школьнаго образованія: здѣсь приходится по необходимости имѣть дѣло съ самими исполнителями этихъ программъ, да и не съ ними одними. И чѣмъ выше школа, чѣмъ сложнее программа ея дѣятельности, тѣмъ труднѣе достичь въ ней этого желаннаго единства.

Вотъ съ этой стороны для насъ и представляетъ большой интересъ брошюра прот. І. И. Соловьева, къ которой и переходимъ теперь.

Для почтеннаго автора задача школы ясна. Анализируя, при свѣтѣ библейскаго ученія, „психологическія основы духовнаго развитія человѣка“, онъ не можетъ признать первенствующаго значенія въ немъ за область интеллектуальною. „Какъ свѣтъ не производитъ жизни безъ тепла, такъ и знаніе, какъ бы велико и даже истинно оно ни было, если оно не сопровождается любовію сердца, не приводитъ человѣка

къ совершенству. *Разумъ*, какъ говоритъ апостолъ, *кичитъ и лишь любовь созидаетъ*“ (стр. 9). Поэтому, не умственное развитіе, а доброе воспитаніе сердца и воли на основахъ вѣры Христовой считаетъ онъ главнымъ дѣломъ школы. Личныя глубокія убѣжденія на этотъ счетъ самого автора находятъ еще большую опору для себя въ извѣстныхъ словахъ рескрипта Государя Императора, которыми указывается желательность усиленія въ нашемъ школьномъ воспитаніи элемента *религіозно-нравственнаго*, „соединенія съ образованіемъ юншества воспитанія его въ *духъ вѣры*“... И вотъ въ отвѣтъ на то, какими же путями и средствами это желаніе монарха можетъ быть осуществлено, прот. Г. И. Соловьевъ и рисуетъ свою яркую картину проведенія въ жизни нашей школы элемента религіозно-церковнаго. Какъ мы видѣли, по мысли автора, для того, чтобы школа достигала добрыхъ результатовъ въ главной области, въ религіозно-нравственномъ воспитаніи своихъ учениковъ, служить этой цѣли должны быть призваны не только законоучитель, но и всѣ преподаватели школы, а руководство этимъ дѣломъ должно быть ввѣрено самой церкви, въ лицѣ ея мѣстнаго представителя-епископа.

Идея прот. Г. И. Соловьева,—дѣлающая честь автору—пастырю церкви и ревностному слугѣ Государя,—заслуживаетъ вниманія: она такъ легко и просто рѣшаетъ существеннѣйшій вопросъ въ нашемъ школьномъ дѣлѣ, открываетъ, повидимому, столь естественный путь къ объединенію всѣхъ силъ школы. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ, казалось-бы, болѣе естественно сойтись всѣмъ дѣлателямъ на школьно-педагогической нивѣ, какъ не на этой конечной цѣли воспитанія—на образованіи въ каждомъ изъ учениковъ, питомцевъ школы, челоуѣка-христіанина. Здѣсь нѣтъ даже ничего новаго, доселѣ школы неизвѣстнаго. Служить этой высокой цѣли, несомнѣнно, священный долгъ каждой христіанской школы, и она должна помнить о немъ на всѣхъ ступеняхъ

развитія своихъ учениковъ и во всѣхъ областяхъ знаній, сообщаемыхъ имъ. А такъ какъ истинною хранительницею не только христіанскаго ученія, но и благодатныхъ силъ для христіанской жизни служитъ церковь, то отсюда прямой логическій выводъ тотъ, что только подъ покровомъ и руководствомъ церкви школа можетъ правильно рѣшить эту задачу. Итакъ, повторяемъ, идея эта въ теоріи сразу представляется весьма заманчивою по своей естественности, какъ бы очевидной, не требующей и доказательствъ, правдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по своему глубокому значенію для школы. Тѣмъ не менѣе, для надлежащей оцѣнки ея необходимо посмотретьъ на нее съ другой, чисто практической стороны. Какъ извѣстно, теорія и практика далеко не всегда совпадаютъ, и то, что представляется вполне логичнымъ и вѣрнымъ при теоретическомъ анализѣ, весьма часто оказывается въ иномъ положеніи на практикѣ, предъ судомъ той особой логики, какую предъявляетъ жизнь. Къ сожалѣнію, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ положеніемъ той-же категоріи.

Почтенный авторъ желалъ бы видѣть въ нашей школѣ такую систему преподаванія, при которой религіозно-воспитательный элементъ имѣлъ бы мѣсто и значеніе не на урокахъ законоучителя только, а и въ свѣтскихъ наукахъ, какъ гуманитарныхъ, такъ и реальныхъ. Желаніе идеально доброе; но какъ осуществить его въ школѣ? Что кажется такимъ простымъ и естественнымъ для вѣрующаго ума пастыря, челоуѣка притомъ съ широкимъ богословскимъ образованіемъ, то можетъ представляться въ совершенно иномъ свѣтѣ для обыкновеннаго свѣтскаго преподавателя—естественника, историка, классика и др. Во-первыхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточнаго знакомства съ тѣми книгами Откровенія, древнеотеческой и нашей отечественной духовной литературы, къ которымъ они должны обращаться, по мысли автора, за религіозно-воспитательнымъ матеріаломъ для своихъ учениковъ.

Для нихъ художественная образность книги Іова, пророковъ Исаіи, Іереміи и Іезекіиля не существуетъ: имъ она невѣдома „Шестодневъ“ и „Сокровище духовное отъ міра собираемое“ имъ неизвѣстны, быть можетъ, даже по имени. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Но это далеко не все и даже не главное. Предположимъ, что эта сторона дѣла стоитъ удовлетворительно: знакомство съ этою областью, конечно, можетъ быть достигнуто и безъ спеціального богословскаго образованія путемъ самостоятельнаго чтенія и изученія ея. Но этого далеко еще недостаточно. Нужно, чтобы преподаватели свѣтскихъ предметовъ сами сознательно раздѣляли идею прот. І. И. Соловьева и искренно стремились служить ей; а это возможно только при условіи ихъ собственной глубокой религіозности и христіанской настроенности. Нужно, чтобы религіозное начало занимало высокое мѣсто въ ихъ собственной душѣ, чтобы оно пропикало въ основу ихъ міровоззрѣнія. Тогда и естественникъ на своихъ урокахъ, дѣйствительно, можетъ искренно подняться до восхваленія величія и благодати Божіей, открывающихся для него при обзорѣ жизни видимой природы. При такомъ настроеніи и словесникъ можетъ обратиться къ Библии и твореніямъ святоотеческимъ, подыскивая образцы для уясненія ученикамъ построенія и красоты литературнаго слова. И историкъ, если онъ самъ человѣкъ глубоко вѣрующій, раскрывая предъ своими учениками карту великихъ міровыхъ событій, пожалуй найдетъ въ ней и отмѣтитъ имъ черты промысла Божіа управляющаго жизнію всего міра. Только при этомъ условіи классикъ можетъ и самъ понять и раскрыть своимъ ученикамъ, какіе „отблески божественнаго свѣта“ проявлялись въ древне-классическомъ мірѣ, и чего не хватало ему.

Но создать въ нашей общеобразовательной школѣ такое идеальное религіозное настроеніе, раздѣляемое всѣми дѣятелями ея, это задача слишкомъ трудная, чтобы не сказать даже неосуществимая. Здѣсь дѣла

рые проникнуть и на которые воздействовать особенно трудно. Авторъ рекомендуетъ непосредственно участіе въ этой сторонѣ школьнаго дѣла самой церкви. Но что можетъ сдѣлать хотя бы даже полная зависимость въ этомъ отношеніи школы отъ церкви до контроля ея дѣятельности мѣстнымъ епископомъ? Помимо того, что повернуть въ XX вѣкѣ къ порядкамъ Руси до-петровской невозможно, рекомендуемый авторомъ порядокъ дѣла не далъ бы желательныхъ благихъ результатовъ. Такимъ путемъ, правда, можно было бы достигнѣнѣкоторой внѣшней „благонадежности“ школы въ этомъ отношеніи; но развѣ этого достаточно? Въ такой области воспитанія, какова религіозная, одна внѣшность не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Тонкія струны религіозной жизни въ юной душѣ требуютъ особенной чистоты и правдивости отъ тѣхъ, кто прикасается къ нимъ. Отсутствіе правды, внутренняго искренняго убѣжденія у воспитателей чутѣемъ угадывается питомцами слишкомъ скоро, и тогда всѣ усилія „внѣдренія благочестія“ или безплодны, или, что чаще бываетъ, вредны. „Если внѣшне-формальное и неискреннее отношеніе къ дѣлу,—говоритъ самъ авторъ, нигдѣ не можетъ быть плодотворнымъ, то въ дѣлѣ вѣры всякое лицемеріе и двоедушіе прямо губительно и вмѣсто положительнаго благотворнаго вліянія на религіозно-правственнаго состояніе дѣтей произведетъ обратное дѣйствіе, вмѣсто убѣжденія въ истинахъ вѣры и укрѣпленія въ добрыхъ навыкахъ, разовьетъ въ нихъ недоувѣріе къ нимъ и нерасположеніе“ (стр. 19). Но какими же средствами можно избѣжать всего этого въ школѣ,—какъ создать желательное *искреннее* отношеніе къ этому дѣлу у всѣхъ преподавателей? На этотъ вопросъ авторъ не даетъ отвѣта, а безъ него и весь проектъ, какъ видимъ, теряетъ свое практическое значеніе.

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ эта часть плана прот. І. И. Соловьева. Идея добрая, естественно выливающаяся изъ глубины пастырскаго сердца, но она облечена

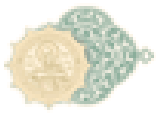

авторомъ въ такія широкія формы, которыя едва-ли осуществимы на практикѣ въ нашей общеобразовательной школѣ. Религіозно-воспитательный элементъ *можетъ иногда* проявиться и на урокахъ преподавателей свѣтскихъ наукъ, и это, несомнѣнно, было бы весьма *желательно*,—вотъ все, что можно сказать по этому вопросу. Но такъ онъ и рѣшается на практикѣ: гдѣ есть благоприятныя условія, т. е. искреннее, глубокое религіозное чувство въ душѣ преподавателя, тамъ религіозная мысль и соответствующее наставленіе ученикамъ возникаютъ сами собою, совершенно свободно и естественно. Иного рѣшенія этого вопроса не слѣдуетъ и искать—тѣмъ болѣе, что въ каждой школѣ дѣло религіознаго воспитанія учениковъ имѣетъ и своего спеціальнаго руководителя въ лицѣ особаго преподавателя Закона Божія. Вопросъ о его дѣятельности, обсуждаемый и прот. І. И. Соловьевымъ, представляетъ поэтому особенную важность.

Несомнѣнно, что религіозное воспитаніе учащихся въ школѣ можетъ пойти правильнымъ путемъ только подъ покровомъ и руководствомъ *церкви*. Но не такъ-ли и есть? Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ школьной программы, излагающій основы христіанской вѣры и жизни, поручается въ школѣ не свѣтскому преподавателю, а именно священнику, пастырю церкви, т. е. лицу не только признанному авторитетнымъ по всѣмъ вопросамъ религіозной области, но и облеченному церковію особыми благодатными силами и полномочіями. Итакъ, здѣсь школа соединяется съ церковью, именно въ смыслѣ полнаго подчиненія религіозной области своего дѣла не контролю только, а непосредственному прямому завѣдыванію и руководству со стороны церкви. Школа не беретъ на себя этого дѣла, а обращается къ церкви, и церковь посылаетъ ей одного изъ своихъ пастырей, какъ лицо вполнѣ способное правильно выполнить по духу церкви

предстоящую ему задачу. Но вотъ здѣсь и возникаетъ естественный вопросъ: какая же это задача? Можетъ ли она исчерпываться однимъ *религіознымъ обученіемъ*, т. е. сообщеніемъ учащимся въ школѣ извѣстной суммы религіозныхъ знаній? Прот. І. И. Соловьевъ коренной недостатокъ всего школьнаго образованія нашего видитъ въ томъ, что оно стремится лишь къ сообщенію знаній, воздѣйствуя только на одну область интеллектуальную и оставляя въ сторонѣ сердце и волю учениковъ. Но если гдѣ нужно особенно бояться такой крайности, то это именно въ дѣятельности законоучителя: такъ суживать задачи ея значило бы лишать это дѣло его настоящаго значенія; между тѣмъ послѣднее весьма велико. Здѣсь, въ скромной дѣятельности такъ называемаго школьнаго „законоучителя“, заключается одинъ изъ путей, и притомъ весьма важныхъ, великаго служенія пастырскаго.

Насажденіе въ жизни человѣческой высокихъ началъ христіанской вѣры, а вмѣстѣ съ ними любви, правды и добра, созиданіе святаго царствія Божія на землѣ—такова задача служенія пастырей церкви. Предъ ними необозримая нива жизни человѣческой; въ ихъ рукахъ сѣмена „добрыхъ“, которыя одни только могутъ дать плоды „добрые“ на нивѣ этой; ихъ дѣло насаждать эти сѣмена въ душахъ людей и зорко, неустанно слѣдить за тѣмъ, какъ растутъ они: всѣми силами помогать правильному развитію ихъ, оберегая отъ всего, что могло бы повредить имъ. Дѣло великое и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣримо трудное! Наученіе съ церковной каѳедры, особое воздѣйствіе средствами благодатными и близкое жизненное руководство—вотъ тѣ пути, какими совершается оно. Въ нашу задачу, конечно, не входитъ обзоръ ихъ; но для нашей цѣли представляется весьма важнымъ одинъ вопросъ здѣсь, именно: какъ, какими путями совершается пастырски-воспитательное воздѣйствіе по отношенію, въ частности, къ тому возрасту, въ которомъ всѣ силы человѣка находятся еще въ процессѣ развитія, когда душа наша, еще

незаятая никакими обширными знаніями, прочными убѣжденіями, опредѣлившимися стремленіями, представляется столбѣжною и податливою, что ее сравниваютъ съ мягкимъ вокомъ? Ясное дѣло, что именно этотъ періодъ въ жизни человека, давно опредѣлившійся какъ единственно удобный для воспитанія, представляется особенно важнымъ и въ дѣлѣ пастырства: сѣмена христіанской вѣры, посяянныя и пустынія здоровый ростокъ въ юной душѣ, будутъ питать своими плодами въ теченіе всей дальнѣйшей жизни ея. Итакъ въ чемъ же выражается пастырская дѣятельность по отношенію въ этому возрасту?

Къ сожалѣнію, мы должны констатировать фактъ крайняго слабости и скудности (часто даже полное отсутствіе) нарочитыхъ пастырски-воспитательныхъ воздѣйствій по отношенію къ раннему дѣтскому возрасту. Обыкновенно, юная душа новаго члена церкви Христовой, вошедшаго въ нее дверью таинствъ крещенія, всецѣло предоставляется въ своемъ развитіи роднымъ дѣтямъ, въ случаѣ смерти ихъ—старшимъ членамъ семьи, или вообще взрослымъ людямъ, на попеченіи которыхъ находится дитя. Воспріимники послѣдняго отъ купели крещенія, эти поручители за младенца въ смыслѣ непремѣннаго усвоенія имъ въ свое время основныхъ истинъ христіанскій вѣры, обыкновенно, своей обязанности въ этомъ отношеніи не исполняютъ, чаще всего даже не имѣютъ надлежащаго понятія о ней. Такимъ образомъ, христіанизация этой дѣтской души, насажденіе и развитіе въ ней началъ вѣры Христовой по духу церкви православной, смѣло можно сказать, оставляются на произволъ судьбы. Пастырь церкви если заглядываетъ въ эту область, то весьма рѣдко, случайно и не надолго. О непремѣнномъ систематическомъ участіи пастыря въ этомъ дѣлѣ, хотя бы въ формѣ постояннаго внимательнаго наблюденія за нимъ, мы ничего не знаемъ. Первымъ актомъ формальнаго вниманія и какъ бы контролемъ этого дѣла со стороны церкви является первая исповѣдь.

дитяти, но опять, къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло, болышею частью, съ актомъ именно формальнаго характера. Исповѣдь, при обычномъ весьма поспѣшномъ совершеніи ея надъ дѣтьми, при томъ двумя-тремя сразу, не можетъ служить тѣмъ важнымъ средствомъ пастырскаго воспитанія, какимъ должна бы служить. Такъ, безъ надлежащаго, нарочито-воспитательнаго воздѣйствія пастырскаго, проходятъ первые дѣтскіе годы; такъ-же могли бы пройти и слѣдующіе за ними годы отрочества и первой юности, если-бы обычный порядокъ воспитанія не создалъ необходимости для этого возраста стать уже въ непосредственныя близкія отношенія къ пастырю церкви: семью смѣняетъ школа, а въ ней религіознымъ наставникомъ является пастырь-законоучитель. Вотъ здѣсь и окрывается все огромное значеніе дѣятельности послѣдняго.

Каждый годъ школы принимаетъ подъ свое руководство десятки новыхъ питомцевъ. Это—„новички“ въ полномъ смыслѣ слова, невѣдущіе школьной жизни, ея порядковъ, довѣрчиво открывающіе свою душу всѣмъ ея вліяніямъ. И вотъ, среди этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ вліяній законоучитель пастырь долженъ завоевать для себя возможно больше мѣста. Предъ нимъ прекрасное, въ большинствѣ случаевъ еще совершенно чистое, дѣвственное поле дѣтской души; оно не занято еще тѣми многочисленными плеведами, которыми послѣ такъ щедро надѣляетъ человѣческую душу жизнь, и которые своими широкими корнями постепенно вытѣсняють изъ нея все идеальное, высокое, святое. Предъ нимъ нива открытая, чистая, и время для посѣва на ней самое удобное. Ему остается, помня свой высокій пастырскій долгъ и всецѣло проникшись святою ревностью объ истинномъ благѣ всѣхъ этихъ юныхъ душъ, горячо взяться за дѣло. При этомъ онъ непрестанно долженъ помнить и то, что время не ждетъ, что такая благопріятная пора для посѣва и здороваго крѣпкаго роста добрыхъ сѣмянъ въ этихъ ду-

шахъ не повторится болѣе никогда, что пройдутъ установленные годы, и эти нынѣшніе новички оставить школу уже почти сложившимися людьми и выйдутъ изъ нея прямо въ жизнь. Пора лучшаго перваго посѣва уже прошла, и горько сѣятелю, если поле его оказалось покрытымъ плевелами терніемъ и волчцами.

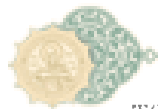
Итакъ, мы смотримъ на дѣло законоучителя въ школѣ какъ на дѣло чисто *пастырское*. Его задача здѣсь—религіозно-воспитательная, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Такъ понимать ее заставляютъ, съ одной стороны, скудость въ нашей практикѣ другихъ путей для непосредственныхъ воспитательныхъ воздѣйствій пастыря на юную, развивающуюся душу, съ другой—полная возможность и широкія средства для этого именно въ школѣ. Здѣсь, въ этихъ ученикахъ, стройными чинными рядами размѣщающихся на скамьяхъ всѣхъ классовъ, отъ перваго до послѣдняго, и въ извѣстные часы слушающихъ уроки своего „батюшки“, послѣдній долженъ видѣть не что иное, какъ „приходъ“ своей особой, юной и потому еще болѣе дорогую, паству. На его глазахъ, годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, почти изо дня въ день постепенно раскрывается подробная картина возрастанія каждой изъ этихъ юныхъ человѣческихъ душъ, и онъ ли, самымъ долгомъ своимъ призванный содѣйствовать правильному развитію религіозныхъ началъ въ нихъ не употребитъ всѣхъ средствъ къ этому?

Первымъ изъ этихъ средствъ является то дѣло религіознаго обученія, сообщенія извѣстныхъ религіозныхъ христіанскихъ истинъ, которое входитъ въ общій курсъ предметовъ школьнаго преподаванія. Это путь чисто теоретическій. Имъ каждый изъ учениковъ вводится въ кругъ тѣхъ религіозныхъ *знаній*, безъ которыхъ невозможно сознательное, разумное отношеніе человѣка къ своей вѣрѣ. И эта сторона дѣла давно уже получила въ нашей общеобразовательной школѣ свою довольно широкую постановку. Въ курсъ Закона

Божія здѣсь входятъ священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, ученіе о богослуженіи, исторія христіанской церкви и катихизисъ (въ широкомъ смыслѣ). Каждый законоучитель, имѣя въ рукахъ опредѣленную программу и извѣстныя руководства—учебники, сообщаетъ ученикамъ надлежащія свѣдѣнія изъ той области, какая проходится имъ въ данномъ классѣ. Ученики при помощи тѣхъ же учебниковъ усвояютъ эти свѣдѣнія, даютъ отчетъ въ нихъ законоучителю, получаютъ за это соотвѣтствующіе баллы въ теченіе года и на экзаменахъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи законоучитель находится въ положеніи, повидимому, одинаковомъ съ другими преподавателями школы: его дѣло есть дѣло *учителя*. Однако есть или, лучше сказать, должна быть своя особенная характерная черта и въ этомъ дѣлѣ его. Имѣя цѣль въ самой себѣ, именно въ сообщеніи учащимся извѣстныхъ знаній, эта учительская или учебная сторона дѣятельности священника въ школѣ должна служить вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ средствъ къ достиженію главной, конечной цѣли всего дѣла его здѣсь, именно—къ *религіозному воспитанію* каждаго изъ учениковъ.

Такое пониманіе значенія Закона Божія въ школѣ, какъ предмета не учебнаго только, а (и главнымъ образомъ) религіозно-воспитательнаго, въ послѣднее время выдвигается все болѣе. Оно естественно повлекло за собою требованія коренного измѣненія въ преподаваніи этого предмета, какія раздаются въ печати, и къ которымъ такъ неодобрительно относится прот. І. И. Соловьевъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нѣкоторые, въ пылу увлеченія принципомъ, не знаютъ уже никакихъ границъ и настаиваютъ на полномъ уничтоженіи нынѣшнихъ формъ преподаванія Закона Божія—систематическаго усвоенія, провѣрки знаній, балловъ и проч. По ихъ мнѣнію, все дѣло—въ воспитаніи въ душахъ учениковъ добрыхъ религіозныхъ чувствъ, а дости-

женію такой цѣли всѣ эти формальности не только-де не помогаютъ, но наоборотъ—вредить.

Отбросивъ крайности, нельзя не согласиться съ основною мыслью, руководящею такими требованіями: нельзя трактовать Законъ Божій лишь какъ предметъ обычнаго школьнаго изученія, совершенно одинаковый съ другими предметами учебнаго курса школы; въ немъ заключается, повторяемъ, важное средство къ достиженію главной цѣли законоучителя—религіознаго воспитанія учащихся. Если эта цѣль не достигается, то какую цѣну могутъ имѣть самые блестящіе успѣхи ученика по Закону Божію, засвидѣтельствованные самыми высшими баллами въ журналахъ! Скажемъ божье: долженъ-ли и даже имѣетъ ли право законоучитель ставить высшіе баллы тамъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло лишь съ безукоризненнымъ внѣшнимъ усвоеніемъ ученикомъ преподаннаго ему, но безъ желательнаго, столь цѣннаго для преподавателя-пастыря развитія въ душѣ этого ученика добрыхъ благочестивыхъ чувствъ, религіозной настроенности и соответствующаго поведенія? Полагаемъ, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Здѣсь не должно быть мѣста обычной индифферентной, по идеѣ своей математически точной оцѣнкѣ знаній учениковъ: послѣдняя у законоучителя должна основываться не на однихъ знаніяхъ ученика, достояніи ума, а непременно принимать въ соображеніе и другія стороны его души—и сердце и волю, такъ какъ *religio* (*religio*--связь чловѣка съ Богомъ), предметъ заботъ законоучителя-пастыря, не можетъ быть насаждена въ душѣ ученика при посредствѣ однѣхъ умственныхъ силъ его. Поэтому общая религіозная настроенность ученика должна имѣть для законоучителя весьма важное (хотя, конечно, не единственное) значеніе, при обычной оцѣнкѣ имъ успѣховъ этого ученика по Закону Божію. Такая „пристрастность“ его и будетъ настоящею справедливостію.

Такимъ образомъ, при этомъ взглядѣ на Законъ Божій, какъ на важное средство пастырскаго воспитанія учащихся, какъ видимъ, сама собой должна измѣниться до нѣкоторой степени обычная внѣшняя обстановка школьнаго преподаванія этого предмета,—однако отнюдь не въ смыслѣ полного устраненія ея. Гдѣ предстоитъ задача передать десяткамъ учениковъ класса цѣлую систему свѣдѣній, довольно обширную, довести эти свѣдѣнія до полного сознанія каждаго изъ учениковъ и имѣть ясное представленіе о томъ, насколько это достигнуто, тамъ нельзя обойтись — безъ обычныхъ уроковъ, систематически, въ послѣдовательномъ порядкѣ, по частямъ излагающихъ учебный матерьялъ,—безъ повторенія этихъ уроковъ учениками дома, по указаннымъ для этого пособіямъ,— безъ обычного „спрашиванія“ учениковъ, какъ средства провѣрить ихъ знанія, и, наконецъ, безъ оцѣнки послѣднихъ баллами. Вся эта шаблонная процедура школьнаго обученія, сложившаяся давно, крѣпко усвоена школою, опытомъ познавшею, что безъ этихъ формальностей обойтись ей почти невозможно. Не цѣлесообразно было бы поэтому устранять ихъ и въ отношеніи Закона Божія, какъ предмета, дающаго сложный матерьялъ для *изученія*, т. е. усвоенія интеллектуальными силами учениковъ, и съ этой стороны не отличающагося отъ другихъ предметовъ школы ¹⁾.

¹⁾ Интереснымъ здѣсь является вопросъ о баллахъ: ставить-ли ихъ и на урокахъ Закона Божія, какъ по другимъ предметамъ, или же можно обойтись и безъ нихъ? Несомнѣнно, что весьма заманчива идеальная точка зрѣнія: уроки законоучителя должны стоять въ глазахъ учениковъ выше балловъ. Они должны относиться къ этимъ урокамъ съ тою особенною, почти благоговѣнною любовью, которая побудила бы ихъ всегда ставить эти уроки среди всѣхъ школьных занятій на первомъ мѣстѣ, при которой *неуспѣшность* была бы просто невозможна. Тогда баллы уничтожились бы сами собою. Но.. какъ далека современная дѣйствительная постановка этого предмета въ нашихъ школахъ отъ такого идеальнаго положенія его! И достигъ послѣдняго не легко. Пока же этого нѣтъ, баллы необходимы и по Закону Божію, какъ общепринятый способъ сравнитель-

Итакъ, мы не можемъ простирать своихъ желаній въ этой области такъ далеко, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые слишкомъ стремительные реформаторы; тѣмъ не менѣе, мы не можемъ, съ другой стороны, и примѣнять къ преподаванію Закона Божія мѣрку совершенно одинаковую съ другими предметами школы. Высокое значеніе этого предмета, самое содержаніе и характеръ его заставляютъ отводить ему особое мѣсто въ курсѣ школы и относиться къ нему иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ учебнымъ предметамъ, съ болѣе высокими, идеальными запросами. Поэтому оставляя и для него, какъ неизбѣжную, почти всю обычную вишнюю форму преподаванія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ стоимъ за возможно большее смягченіе ея здѣсь, за устраненіе той сухости, того формализма, педагогической точности, учительскаго фанатизма и проч., что обыкновенно такимъ гнетомъ ложится на живое дѣло всякаго преподаванія, убивая въ немъ духъ и оставляя одну мертвую букву. Думается, что при идеальномъ широкомъ взглядѣ на дѣло законоучителя,—не только у него самого, но и у его начальства, которое не стѣсняло бы законоучителя требованіями точнаго соблюденія установленныхъ формальностей,—возможно и при обыкновенной формѣ преподаванія поставить этотъ предметъ на подобающей ему высотѣ.

Перейдемъ къ самому содержанію Закона Божія.

Прот. І. И. Соловьевъ считаетъ необходимымъ внести значительныя измѣненія въ нынѣшній курсъ Закона Божія

ной оптики учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ важная мѣра поощренія ихъ къ запискамъ въ этой области. Однако, желательно было бы внести нѣкоторое ограниченіе въ этомъ отношеніи: удерживать баллы лишь для окончательной оптики успѣховъ ученика по Закону Божію, т. е. годовые и, пожалуй, четвертные,—не обязывая законоучителя отмичать балломъ каждый отдѣльный отвѣтъ ученика. Что касается вопроса объ экзаменахъ, то не только въ теоріи, а и на практикѣ въ послѣднее время все болѣе склоняется къ отрицательному рѣшенію его, къ возможно большому ограниченію количества экзаменовъ вообще. И въ добрый часъ: давно пора! Экзамены нужны только выпускные.

въ средней школѣ. Не касаясь нѣкоторыхъ частныхъ, въ обсужденіи которыхъ можетъ быть компетентнымъ только законоучитель же, знакомый съ дѣломъ практически ¹⁾, не можемъ не сдѣлать замѣчанія по поводу главной мысли почтеннаго автора. Разумѣемъ его желаніе видѣть въ нашихъ среднихъ общеобразовательныхъ школахъ ознакомленіе учащихся съ самыми источниками вѣры—съ книгами Свящ. Писанія, и, отчасти, съ литературою древне-отеческою. Мысль—заслуживающая серьезнаго вниманія.

Печальный фактъ весьма часто встрѣчающагося въ нашемъ „образованномъ“ обществѣ полнаго невѣжества въ этомъ отношеніи хорошо извѣстенъ. Понятны и тѣ губительныя послѣдствія, какія связаны съ нимъ: въ немъ перфѣдко кроется основная причина скептицизма, невѣрія, а главное—столь извѣстнаго индифферентизма, подлаго невниманія интеллигентныхъ классовъ къ вопросамъ вѣры въ обычномъ пастырскомъ изложеніи ихъ. Достаточно нѣсколькихъ текстовъ изъ Библии (да еще на славянскомъ языкѣ), чтобы сдѣлать всю такую рѣчь пастыря неудобопріемлемою для интеллигентнаго слушателя, неинтересною и даже непріятною для него ²⁾. Такъ и вырастаетъ постепенно непроходимая бездна между двумя

¹⁾ Напр., перенесеніе церковной исторіи въ третій классъ на мѣсто богослуженія намъ представляется неудобнымъ: изученіе ея вѣдѣсь до знакомства учениковъ съ общою исторіей мы находимъ преждевременнымъ. Однако полагаемъ, что правильно рѣшить этотъ вопросъ можетъ только тотъ, кто уже и рѣшаетъ его на практикѣ, т. е. преподающій богослуженіе и церковную исторію законоучитель.

²⁾ Явленіе—до такой степени широко распространенное, что съ нимъ поневолѣ приходится считаться и пастырямъ. И вотъ мы видимъ печальные факты такого „приспособленія“ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ вкусамъ интеллигентнаго общества, которое выражается въ формѣ полнаго изгнанія изъ своей рѣчи „библеизма“, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но идя такимъ путемъ и поступивши еще немного, этимъ служителямъ Христовымъ не трудно будетъ современемъ изгнать изъ своихъ красивыхъ, стоящихъ всегда въ курсѣ „современности“ рѣчей и самого Христа.

совершенно противоположными лагерями—интеллигентнымъ обществомъ, съ одной стороны, духовенствомъ и людьми духовной школы вообще—съ другой. Между тѣмъ, этого могло бы и не быть, и во всякомъ случаѣ пропасть не была бы такъ глубока, если бы и свѣтская школа знакомила своихъ учениковъ съ источниками вѣры христіанской. Да и не странно ли вообще, что школа эта, посвящающая сравнительно много времени дѣлу религіознаго образованія своихъ учениковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ лучшій путь въ этомъ дѣлѣ—самые источники такого образованія. Словно они недоступны учащимся по своему языку. Но вѣдь для пониманія Ветхаго Завета нѣтъ необходимости знать еврейскій языкъ; что же касается писаній новозавѣтныхъ, то въ школахъ классическихъ они легко могли бы быть доступны даже и въ подлинникѣ—на греческомъ языкѣ. Нельзя здѣсь не отмѣтить, наконецъ, и нашего оригинальнаго взгляда на „образованность“. Человѣкъ „образованный“, „интеллигентный“, получившій доступъ къ литературамъ нѣсколькихъ народовъ, познакомившійся съ ними, и въ то же время—совершенный невѣжда по отношенію къ тѣмъ Писаніямъ, въ которыхъ дается отвѣтъ на вопросы, неизбежные для всякаго дѣйствительно интеллигентнаго человѣка, отвѣтъ, съ которымъ нельзя не считаться, хотя бы мы даже и не соглашались съ нимъ,—въ этомъ удивительномъ явленіи обнаруживается какое-то странное затемненіе прямого смысла, заключающагося въ понятіи образованности и интеллигентности. Въ наше время даже среди простого народа все замѣтнѣе пробуждается стремленіе самому, собственными глазами прочесть глаголы живота вѣчнаго, хранящіеся на скрижаляхъ Библии; какъ же безъ этого можетъ обойтись человѣкъ, претендующій на высшее развитіе своей интеллигенціи, на полную, всестороннюю образованность?

Итакъ, эта сторона въ постановкѣ Закона Божія въ нашей общеобразовательной школѣ, несомнѣнно, должна быть

признана неудовлетворительною, неотложно требующею коренной реформы. Но въ какомъ именно видѣ постѣдняя была бы наиболѣе цѣлесообразна и потому желательна? На этотъ вопросъ дать отвѣтъ не такъ легко: онъ требуетъ подробнаго обсужденія и осторожнаго рѣшенія на практикѣ. То, что предлагается прот. І. И. Соловьевымъ, имѣетъ характеръ неразработанности и незаконченности. Почтенный авторъ рекомендуетъ ввести въ свѣтскія школы систематическое классное изученіе Библіи, которому отводить два года (V и VI классы). Но кто-же не знаетъ, что систематически пройти съ учениками весь текстъ Библіи, хотя бы даже съ краткими пояснительными комментаріями и самыми общими педагогическими свѣдѣніями, дѣло весьма трудное. Въ духовныхъ семинаріяхъ ему посвящается весь шестилѣтній курсъ этихъ школъ, и то результаты оставляютъ желать еще многого. Что же можно сдѣлать за два года? Можетъ быть, авторъ разумѣетъ не полное чтеніе Библіи, а съ значительными исключеніями—извѣстныхъ частей въ той или иной книгѣ, или и цѣлыхъ книгъ? Но тогда нужно было это выяснить. Требовать увеличенія числа уроковъ по Закону Божію,—какъ это и безъ того дѣлаютъ законоучители,—можно; но нельзя не принимать при этомъ въ соображеніе и нынѣшней переполненности школы уроками во всѣхъ классахъ, начиная съ первыхъ; да если бы и прибавить для Закона Божія еще какихъ-нибудь два урока въ недѣлю, то и ихъ для выполненія указанной обширной задачи не хватило бы. Урѣзать другія области въ школьной программѣ Закона Божія и на счетъ ихъ ввести чтеніе Библіи? Такъ и дѣлаетъ прот. І. И. Соловьевъ, ограничивающій преподаваніе „катихизиса“ однимъ годомъ (VIII классъ), вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ. Но что же отъ этого получается? Для изученія Библіи времени выгадывается недостаточно, а то, что теперь входитъ въ программу катихизиса—„Пространный катихизисъ“ Филарета и краткіе курсы богословія

нравственного и догматическаго, очевидно, должно быть такъ сжато, чтобы могло умѣститься въ двухъ урокахъ одного VIII го класса. Трудно представить, какъ именно предполагаетъ сдѣлать это почтенный авторъ, потому что выраженіе его крайне неопредѣлено: VIII классъ можно употребить, говоритъ онъ, „на систематическое *повтореніе* всѣхъ пройденныхъ отдѣловъ въ формѣ *катихизиса или богословія*“ (стр. 31). Что именно здѣсь придется повторять и какъ, въ какомъ объемѣ и въ какой формѣ, не понятно. Между тѣмъ, не отрицая нѣкоторой растянутости нынѣшней программы катихизиса, мы въ то же время никакъ не можемъ признать ее и слишкомъ широкою: догматическій и апологетико-полемическій матерьялы въ ней составляютъ предметъ необходимости. Такимъ образомъ, при сокращеніи этой программы въ четыре раза, аргюти можно съ увѣренностью сказать, мы принесемъ дѣлу существенный вредъ, притомъ не достигая и другой цѣли—достаточнаго изученія Библіи. Можно привести и еще нѣкоторыя соображенія противъ полнаго систематическаго изученія Библіи въ свѣтской школѣ: трудность комментирования нѣкоторыхъ (многихъ) мѣстъ въ ней, необходимость особенной осторожности въ этомъ отношеніи именно въ свѣтской школѣ, недостаточная зрѣлость учениковъ и др.

Все это ясно показываетъ, какого широкаго обсужденія требуетъ этотъ вопросъ при практическомъ рѣшеніи его. Съ своей стороны мы находимъ болѣе удобнымъ другой путь къ достиженію той же цѣли: не вводя спеціальнаго систематическаго изученія всего текста Библіи, знакомиться съ нимъ съ возможною подробностью попутно, при прохожденіи отдѣльных частей Закона Божія. Такъ, при изученіи священной исторіи Ветхаго Завѣта обращаться къ Библии въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ расширить свѣдѣнія учениковъ или уяснить ихъ на основаніи источника законоучитель найдетъ наиболѣе полезнымъ. Перейдя къ Новому Завѣту, такіе экс-

Труды Киевск. дух. Акад. Т. I. 1903 г.

курсы необходимо дѣлать уже на всемъ протяженіи изучаемой во II-мъ классѣ священной исторіи, почти для каждаго факта, такъ что учебникъ здѣсь долженъ потерять свое настоящее значеніе: онъ нуженъ лишь для синтеза матеріала, для болѣе легкой и отчетливой группировки его въ систему. При изученіи церковной исторіи, слѣдуя тому же методу, важное мѣсто придется отвести особенно книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Катихизисъ, богословіе догматическое и нравственное на каждомъ шагѣ потребуютъ такого же обращенія къ той или другой книгѣ Священнаго Писанія. Словомъ, на всемъ протяженіи восьмилѣтняго изученія Закона Божія въ школахъ Библия (и особенно Новый Заветъ ея) должна быть всегда въ рукахъ ученика—такъ, чтобы безъ нея не могъ состояться ни одинъ урокъ по этому предмету. Если прибавить сюда еще нарочитыя чтенія, практикующіяся и теперь, особыхъ избранныхъ для этого мѣстъ Библии съ назидательною цѣлью, то полагаемъ, что въ результатѣ всего этого должно будетъ получиться знакомство съ Библіей, достаточное для учениковъ свѣтской школы.

На ряду съ книгами Священнаго Писанія прот. І. И. Соловьевъ видное мѣсто желать-бы отвести и древне-отеческой литературѣ, для чего рекомендуетъ посвятить изученію ея особый классъ (VІІ), съ двумя недѣльными уроками. Но изъ того, что сказано уже о переносненіи классовъ уроками и о недостаткѣ времени, полагаемъ, ясно, какъ неудобно было-бы стремиться втиснуть въ слишкомъ и безъ того сложный курсъ школы еще новый предметъ. Достаточно вспомнить, что патристики нѣтъ даже въ курсахъ духовныхъ семинарій. Поэтому все, чего можно желать въ этой области для свѣтскихъ школъ, это обращаться къ литературѣ древне-отеческой всякій разъ, какъ то пойдетъ законоучитель удобнымъ по ходу своихъ занятій.

Съ другой стороны, мы всецѣло стоимъ вмѣстѣ съ почтеннымъ авторомъ за необходимость близкаго знакомства

учениковъ свѣтской школы съ богослужебными книгами, какъ съ прямымъ источникомъ при изученіи ими богослуженія. Это такой естественный, простой и, можно сказать, неизбежный путь въ этомъ дѣлѣ, что непоняно даже, почему, оставляя его въ сторонѣ, идуть трудною и невѣрною дорогою учебниковъ. Ненормальность такой, къ сожалѣнію, обычной постановки этого предмета въ нашихъ свѣтскихъ школахъ очевидна: печальный фактъ полного незнакомства окончившихъ школу съ богослуженіемъ слишкомъ хорошо извѣстенъ. Между тѣмъ, достигъ благихъ результатовъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ не трудно, если вести преподаваніе этого предмета не съ учебникомъ, а съ богослужебными книгами въ рукахъ, и это тѣмъ болѣе, что на помощь является само богослуженіе,—присутствіе при совершеніи его и участіе въ немъ учениковъ. Но здѣсь, касаясь этого практическаго пути изученія богослуженія, мы вступаемъ уже въ область другого религиозно-воспитательнаго средства въ рукахъ пастыря-законоучителя, которымъ онъ долженъ пользоваться наравнѣ съ уроками своими по Закону Божію. Это—совершаемое имъ въ домовомъ школьномъ храмѣ богослуженіе.

Глубокое религиозно-воспитательное значеніе нашего православнаго богослуженія понятно. Здѣсь, подъ сводами благоутѣннаго храма, предъ свѣтлыми ликами священныхъ изображеній, въ торжественныхъ звукахъ умирительнаго цѣнія, въ высокихъ, исполненныхъ вѣры и любви, моленійхъ—заключается глубочайшій и обильнѣйшій источникъ наивысшаго, возможнаго для человѣка, подъема духа. Именно здѣсь сосредоточены всѣ условія къ тому, чтобы въ нашей душѣ возникли самыя высокія мысли—о Богѣ и о нашей жизни „предъ лицемъ Его“, появились самыя чистыя, святія чувства, зародились самыя добрыя порывы, идеальныя желанія. Все это въ своей совокупности и составляетъ то особое, не всегда во всѣхъ частяхъ своихъ сознательное, интуитивно, какъ бы извнѣ переливающееся въ нашу душу религиозное

„настроение“, которое такъ дорого намъ по своему благотворному вліянію на всѣ силы нашей души. Подъ его вліяніемъ мы выходимъ изъ храма просвѣтленными, успокоенными, съ вѣрой въ добро и правду, съ надеждой на лучшую жизнь впереди, съ любовью къ жизни и людямъ... Понятно послѣ этого, какъ важно для законоучителя пастыря, воспитателя религіозныхъ началъ въ душахъ своихъ учениковъ, широко пользоваться столь благодѣтельнымъ средствомъ. Но для этого необходимо, чтобы школа имѣла свой собственный храмъ, куда могла бы собираться вся юная паства законоучителя, и гдѣ послѣдній являлся бы пастыремъ-священникомъ въ собственномъ смыслѣ. Только при этомъ условіи законоучителю открывается возможность воздѣйствовать на своихъ учениковъ и тѣми благодатными средствами, какими надѣляется его церковь, которая въ такомъ случаѣ соединяется со школою еще тѣснѣе, въ одно цѣлое. Пастырское слово законоучителя съ церковной кафедрой является продолженіемъ школьныхъ уроковъ его, а исповѣдь открываетъ предъ нимъ самые тайники души каждаго изъ его учениковъ. Поэтому, гдѣ нѣтъ своего домового храма при школѣ, гдѣ ученики въ посѣщеніи богослуженія предоставлены самимъ себѣ, тамъ естественно школа теряетъ весьма много въ религіозно-воспитательномъ отношеніи; тамъ и дѣло законоучителя-воспитателя становится особенно труднымъ.

Но дѣло это имѣетъ и еще пути для себя, кромѣ отмѣченныхъ уже—уроковъ Закона Божія и богослуженія. Разумѣемъ путь пастырскаго руководства—и въ стѣнахъ школы и внѣ ихъ, и словомъ и личнымъ примѣромъ, соответственно индивидуальнымъ запросамъ того или другого изъ учениковъ. Путь этотъ требуетъ близкаго подробнаго знакомства законоучителя съ состояніемъ души ученика, зоркаго наблюденія за всѣми важнѣйшими моментами въ религіозномъ развитіи ея, самаго теплаго, исполненнаго

любви, участія къ ней и умѣнья помочь ей, умѣнья повестъ дѣло такъ, чтобы она охотно и съ радостью послѣдовала за пастыремъ своимъ. Ясно, какъ много трудностей для законоучителя пастыря на этомъ пути и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ важенъ онъ.

Кто талантливо ведетъ свои уроки по Закону Божію въ классѣ, тотъ несомнѣнно даетъ добрую пищу религиозно мысли, а съ нею и чувству и волѣ своихъ учениковъ. Но если дѣятельность законоучителя этимъ и ограничивается, то онъ не смотря на всю талантливость свою, даетъ еще очень мало. Онъ не можетъ рассчитывать, что тѣ сѣмена добрыя, какія посѣваетъ его рука, не погибнуть подъ напоромъ много численныхъ дурныхъ вліяній, какими окружены его питомцы нѣ школы, да и въ самой школѣ. Если къ урокамъ своимъ онъ присоединяетъ глубокое воздѣйствіе на юныя души путемъ богослуженія, въ частности—словомъ проповѣди, таинствомъ исповѣди и др., то вліяніе его становится шире все дѣло крѣпче. Однако и этого еще мало: и при всемъ этомъ душа cadaго изъ учениковъ остается все же открытою самымъ разнообразнымъ воздѣйствіямъ окружающей ея жизни, и кто направитъ ее въ сторону только добрыхъ изъ нихъ! Вотъ здѣсь и открывается необходимость такого руководства этою юною душею, которое, исходя изъ любви къ ней и желанія ей только добра, умѣло бы прійти на помощь ей всякій разъ, какъ открывается въ томъ нужда.

Но кто же возьметъ на себя столь трудное и отвѣтственное дѣло? Несомнѣнно, прямой долгъ въ этомъ отношеніи лежитъ на родителяхъ, этихъ естественныхъ воспитателяхъ и руководителяхъ своихъ дѣтей, какъ существъ имъ близкихъ, хорошо извѣстныхъ, родныхъ и дорогихъ. Однако этого руководства далеко не всегда бываетъ достаточно. Есть такія стороны въ духовной жизни дѣтей, руководить которыми родители не всегда могутъ, въ силу различныхъ причинъ, а иногда не имѣютъ даже и права на это. Есть об

ласть, требующая высшей санкции и руководства болѣе компетентнаго, въ которой и сами родители нуждаются въ руководствѣ. Такова область религіозная. Воплотѣ надежнымъ руководителемъ въ ней можетъ быть только пастырь церкви, по самому долгу своему къ тому и призванный. Но какой же пастырь долженъ взять на себя это руководство по отношенію къ юной душѣ, какъ не тотъ-же законоучитель, близко принимающій къ ней въ школѣ, питающій ее своими уроками, слѣдящій за всеѣмъ процессомъ развитія ея? Именно ему это дѣло наиболѣе доступно, не смотря на то, что дѣти вмѣстѣ съ родителями часто имѣютъ своего особаго пастыря въ лицѣ приходскаго священника: послѣдній въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ знать дѣтскую душу такъ близко, какъ пастырь законоучитель въ школѣ¹⁾.

Впрочемъ, указывая на этотъ путь пастырской дѣятельности школьнаго законоучителя, мы далеки отъ мысли слипкомъ расширять его, до обязанности законоучителя слѣдить за религіозною жизнью своихъ учениковъ и внѣ школы, для чего посѣщать ихъ и подробно знакомиться со всею обстановкой жизни ихъ. При всей заманчивости такой перспективы, создавать ее значило бы возлагать на законоучителя, и безъ того имѣющаго большое трудное дѣло по школѣ, задачу невыполнимую. Тѣмъ не менѣе мы твердо стоимъ за идею возможно болѣе широкаго, пастырски-воспитательнаго вліянія законоучителя на своихъ учениковъ и путями къ этому считаемъ не только уроки Закона Божія и богослуженіе, но и частное личное руководство—по крайней мѣрѣ во всеѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ таковомъ является особенная нужда. Главная задача для законоучителя сводится здѣсь къ тому,

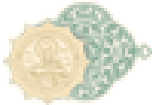
¹⁾ Наилучше можетъ быть поставлено это дѣло тамъ, гдѣ законоучитель является и приходскимъ пастыремъ въ районѣ своей школы. Съ этой стороны, такое совѣтительство представляется весьма желательнымъ, но лишь въ томъ конечно случаѣ, если при школѣ нѣтъ своего домоваго храма.

чтобы онъ оказался въ такихъ случаяхъ на высотѣ свое положенія, т. е. чтобы не только нашлись у него достаточныя силы и средства къ руководству юною душою своею питомца, но—что гораздо важнѣе—чтобы эта душа легла и всецѣло отдалась этому руководству его, болѣе того—что она сама, чувствуя слабость свою и зная, гдѣ найдетъ полную готовность помочь ей, стремилась къ нему, сама открывала ему всѣ тайники свои, не боясь и не стыдясь, а полная любви, уваженія и надежды. Только при такихъ условіяхъ пастырское руководство окажется дѣйствительно благотворнымъ; да безъ нихъ оно и невозможно. Но какъ создать эти условія? Что можетъ поставить законоучителя такую высоту? Единственно—личныя качества его.

Разъ мы понимаемъ дѣло законоучителя въ школѣ какъ дѣло пастырское, вопросъ о личныхъ качествахъ его, естественно, получаетъ такое же важное значеніе здѣсь, какое принадлежитъ ему въ пасторологіи вообще. Поэтому, разсматривая его детально, пришлось бы начертить широкую программу требованій, какія должно предъявить законоучителю-пастырю. Но на этомъ пути весьма легко перейти всякія границы возможнаго и подняться въ высь идеала недостижима. Чтобы не оказаться въ такомъ положеніи, необходимо ограничиться самымъ важнымъ. Такимъ мы считаемъ—достаточное знаніе своего предмета, не съ учебной только стороны и въ богословскомъ смыслѣ, религіозную убѣжденность соединяющуюся съ возможною широтою воззрѣній, сравнительную высоту нравственную (по крайней мѣрѣ, отсутствіе завѣдомыхъ пороковъ) съ общою чертою мягкосотзывчивости души и, наконецъ, упорядоченность внѣшнюю (по крайней мѣрѣ, отсутствіе рѣзкихъ чертъ культурности). Если присоединимъ сюда необходимое качество всякаго педагога—любовь къ дѣтямъ и своему дѣлу то получимъ тотъ обликъ законоучителя, съ которымъ слѣдній можетъ быть истинно добрымъ пастыремъ сво

юнаго стада. Мало того, мы убѣждены, что съ такими чертами законоучитель можетъ, до извѣстной степени, выполнять миссію и гораздо большую, которая неотъемлемо связана съ его особымъ положеніемъ въ школѣ какъ священника, т. е. по самому званію своему пастыря. Разумѣемъ высокое и важное дѣло пастырскаго вліянія его не на учениковъ только, но и на учительскій персоналъ, съ которымъ онъ стоитъ въ близкой связи, какъ сотрудникъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, съ которымъ видится и бесѣдуетъ изо дня въ день. Каковъ бы ни былъ составъ этого персонала, законоучитель долженъ знать, что къ нему именно потому, что онъ священникъ, всѣ присматриваются особенно внимательно. Поэтому ничто, ни одна черта изъ того, что есть въ немъ дурного и хорошаго, не укроется отъ такого наблюденія; и если первое подвергнется осужденію, почти всегда слишкомъ жестокому, то, пусть онъ знаетъ, не останется неоцѣненнымъ и второе. И вотъ здѣсь-то каждая высокая черта въ личности законоучителя откроетъ ему путь къ уваженію и расположенію со стороны сотоварищей его, т. е. къ тому, безъ чего никакое пастырское вліяніе его здѣсь немыслимо, и съ чего оно обыкновенно начинается.

Боимся, что начерченный образъ можетъ показаться все еще слишкомъ идеальнымъ. Намъ укажутъ на обычную обстановку, въ которой приходится трудиться законоучителю нашихъ свѣтскихъ школъ, и выставятъ всѣ тѣ неблагопріятныя условія, какими онъ окруженъ здѣсь. Одинъ въ полѣ не воинъ, между тѣмъ пастырь законоучитель иногда чувствуетъ себя среди школьной педагогической корпораціи именно одинокимъ. Его дѣло, которое по справедливости считаетъ онъ такимъ высокимъ и важнымъ, то, что составляетъ для него предметъ самыхъ заветныхъ желаній и горячихъ усилій, далеко не всегда встрѣчаетъ сочувствіе и поддержку среди педагогическаго персонала. Напротивъ, доминирующее настроеніе здѣсь часто оказывается если не антирелигіоз-

нымъ, то холодно-индифферентнымъ. И, что особенно важно для пастыря, настроеніе это не остается скрытымъ отъ учениковъ: постѣдніе имѣють полную возможность, тысячи случаевъ наблюдать его—и на урокахъ, и внѣ ихъ—и конечно, не безъ вреда для себя. Если вспомнить при этомъ, что домовыя церкви есть далеко не при всѣхъ школахъ и такимъ образомъ законоучитель часто не имѣетъ возможности воздѣйствовать на своихъ питомцевъ средствами благотными, если прибавить сюда нѣкоторую внѣшнюю приниженность положенія законоучителя среди корпораціи свѣтской школы, какъ не вполне равноправнаго члена въ ней,—то станетъ понятна вся трудность достиженія имъ тѣхъ высокихъ задачъ, какія предъявляетъ къ нему его дѣло. Все это несомнѣнно такъ и давно заслуживаетъ вниманія и участія всѣхъ, кому дорого религіозное воспитаніе. Поэтому, ставя широкія пастырски-воспитательныя задачи для дѣятельности законоучителя въ школѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по долгу справедливости, нельзя не указать на необходимость облегченія выполненія этихъ задачъ путемъ созданія лучшихъ условій для нея.

Къ числу таковыхъ, наиболѣе существенныхъ и неотложныхъ, принадлежатъ—устройство домовыхъ церквей обязательно при всѣхъ среднихъ школахъ и постѣщеніе ихъ по возможности всѣми учениками, съ активнымъ участіемъ въ богослуженіи тѣхъ изъ нихъ, кто заслуживаетъ этого, какъ высокой чести; полное уравненіе правъ законоучителя во всѣхъ отношеніяхъ съ другими преподавателями школы, съ особымъ вознагражденіемъ за настоятельство въ домовой церкви; самое широкое участіе мнѣнія законоучителя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается проступковъ учениковъ и вообще нравственной стороны ихъ личности; устраненіе, по возможности, формализма по отношенію къ преподаванію Закона Божія—точного слѣдованія опредѣленнымъ учебникамъ, непремѣнной отмѣтки балломъ cadaго отдѣль-

наго отвѣта ученика и пр.; такой порядокъ замѣщенія уроковъ по этому предмету, при которомъ одинъ законоучитель проходитъ бы со своими учениками *весь* курсъ предмета, отъ перваго класса до послѣдняго; организація особыхъ библіотекъ для религіозно-нравственныхъ чтеній подъ завѣдываніемъ законоучителя; устройство религіозно-нравственныхъ чтеній съ участіемъ, въ формѣ рефератовъ, и самихъ учениковъ и, наконецъ, широкое покровительство со стороны начальства и огражденіе въ школѣ всего, что имѣетъ своею цѣлью способствовать насажденію религіозныхъ началъ въ душѣ учениковъ и вообще такъ или иначе касается религіознаго воспитанія ихъ.

Только при условіи такого участія къ дѣлу и личности законоучителя можно предъявлять къ нему идеальныя широкіе запросы. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ дѣло законоучителя въ школѣ все же не дастъ желательныхъ благихъ результатовъ, если только нѣтъ одного изъ нихъ: если сами дѣятели не стоятъ на высотѣ положенія по своимъ личнымъ качествамъ. Дѣло законоучителя есть часть дѣла пастырскаго вообще, а въ послѣднемъ личность отъ служенія неотдѣлима.

Н. Макавейскій.